

В П У Т И!

КОГДА мысленно возвращаешься к спектаклю Театра имени Моссовета «Витя в пути», на память приходит прежде всего ощущение стремительно проносящейся перед тобой жизни. Жизни сегодняшней, вчерашней и завтрашней. Жизни близкой, понятной и потому волнующей.

Сцена театра затянута полотною серебрясто-серой ткани, на которой проекцией возникают то уходящие вдаль корпуса заводы, то мерцающие огни плавильных печей, то зеленые массивы листвы заводского парка. Проекция и отдельные детали — садовая скамейка среди кустов, пробитый, словно равинный, трактор, чертежный стол — так предельно скупое оформление.

Простор открытой и обнаженной сцены создает ощущение широты и простора жизни, большого размаха дел, смелых планов, летящей мечты. Изобразительное решение спектакля сливается в лучших сценах с его атмосферой, ритмом, поддерживает и уточняет его мысль.

...Одна сцена, вторая, третья. Ритм, шаг к минуте не ослабевающий ритм, сдержанный и напряженный, возмолвительный и деловой, словно подгоняющий события. Едва успел Бахирев увидеть неблагодарное в делах завода, как театр ведет его дальше и дальше, к новым поискам и сомнениям. События активно надвигаются, заставляя авторов кинематографов Г. Николаева и С. Радожникова, а вслед за ними и театр избирать форму все более лагидарную, все лаконичнее строить сцены. Спектакль приобретает все большую внутреннюю динамику.

Но ни своеобразия художественного решения спектакля, ни лаконичности его оформления, ни особой четкости ритмов не являются главными. Все это лишь средства, материал, задушаемые, по-своему найденные, но — средства. Главное же — человек, люди, коллектив. Заинтересованность в судьбах людских, внимание к каждому человеку орудует спектакль, поставленный Ю. Завадским и А. Шатком, оформленный А. Васильевым. Биографии людей прослеживаются здесь в их дальнейших провалах, а важнейшее для героев «Виты в пути» — дело, труд, в спектакле одухотворено и личное находится в неразрывном сочетании. Более того, общественное стало личным, глубоко личным и глубоко волнующим.

«Витя в пути» подробно и последовательно проследит именами не только производственных отношений героев. Прежде всего Бахирев и Вальган, их конфликт, основанный на разнице мировоззрений героев, чьи цели резко противостоят друг другу, чьи пути в жизни несоместимы. Но столкновение главного инженера и директора не существует изолированно, это не борьба «один на один». Конфликт все нарастает, вбирая в свою сферу все коллективные производственные силы происходит в сцене партийно-хозяйственного актива.

Решение этой картины еще раз утверждает замысел постановки. В центре, почти у рамы — стол, заставленный красным сукном, и трибуна. Глядя в зрительный зал, рассаживаются члены президиума С шумом, весело перекликась, занимают места в первых рядах (сооруженных в оркестре) действующие лица спектакля — участни-

ки совещания. Ряды эти — как бы продолжение зрительного зала. Возмолвительные, живо реагируя на происходящее, усаживаются рабочие, работницы, молодые девушки, ребята. Зрители невольно становятся соучастниками спектакля. И вот уже трудно отличить кто аплодирует старой работнице Потаповой, которую с подлинной правдой играет В. Соколовская, — ее товарищи по коллективу или зрители Театра имени Моссовета, кто дружелюбно смеется Г. Слабину, упрекнув старому мастеру с вадковенной душой изобретателя, кто обрушивает свой гнев на Вальгана...

Рядом с этой сценой, звучащей с прямой публицистической остротой, соседствуют картины камерные, но развивающие все ту же линию производственных отношений героев.

...Мягкие отсветы бросает настольная лампа. В тесной комнате, где живет мастер Василий Васильевич, склонившись над чертежами фрезеровщик Сережа Сугробин и инженер-технолог Тина Карамыш. Распихивается дверь, и, страшная капля дождя, на пороге появляется Бахирев — М. Погорьелый, высокий сутуловатый человек, медлительный и молчаливый. Этим молчанием Бахирев долго отторкался от людей, пытаясь своим упорством, своей силой сломить Вальгана. Но что может он один? И он пришел к людям.

Так возникает в спектакле еще одна тема — внутренней перестройки людей, заново переосмысливающих свои жизненные пути.

Две эти картины, по-разному стилизованные театром, «работают» на утверждение мысли о духовной связи руководителя бахиревского типа с коллективом, о том, что единство советских людей неизбежно приведет к краху тех, кто, подобно Вальгану, пытается утвердить в жизни нашей чуждые ей нормы и привычки.

Логическое завершение эта мысль находит в сцене совещания в Центральном Комитете КПСС. За длинным столом, наискось пересекающим простор сцены, — главные герои спектакля. И уже по тому, как они расположились, угадываешь, кто с чем пришел сюда. Задумчиво опустил голову Бахирев — Погорьелый. Смело поднял глаза партгор завода Чубасов (его искренне играет А. Зубов). Как будто уверенно, даже развалясь, сидит Вальган — М. Сидоркин, но неспокойны его пухлые руки, сутулые глаза. А вдали — седой адушечный человек — председательствующий (артист П. Терага).

Рушится жизненная позиция Вальгана. Сидоркин сдержанно и логично проводит сцену развенчания своего героя, показывает нам, как этот гладкий, круглолицый, импозантный человек треплет локоть, сомнамбулически и бездумно.

Сцена эта подводит итог главным событиям спектакля: Вальган развенчан, Бахирев уверенно берет бразды правления заводом в свои руки. Картины, возникающие после, по существу, не вытекают из внутренней необходимости развития характеров, из логики событий. Нужно ли было показывать Вальгана после его краха этаким героем «дна»? Не значит ли это еще раз дискредитировать образ, в целом (за исключением отдельных сцен) так и не получивший в спектакле достаточно крупного, значительного отображения?

Витя за новое становится крупной и выразительной, когда в спек-

такле участвует Вальган — К. Михайлов. Артист рисует своего героя — человека с глазами рыси, «неприручаемого», по выражению Тины, злым, упрямым, острым, сильным. Может быть, Михайлову — Вальгану несколько недостает чарующего обаяния, которым обладает этот герой в романе. Но он видит и понимает людей, точнее он пришел к каждому, зорко смотрит его пронзительные глаза.

Характер Вальгана мог бы приобрести еще большую определенность, если бы иначе строилась первая сцена спектакля, если бы крупной и отчетливой прозвучал важный вопрос — что принесет в жизнь страны новый, завтрашний день, какие перспективы открываются перед двумя людьми, которых судьба свела вместе в этот час. Но, увы, этот принципиальный разговор, в котором впервые должны были заявить о себе Бахирев и Вальган, слишком уж скоро перебивается другим — чисто бытовым разговором о сыне Бахирева Рыжике и его семье. Может быть, вообще следовало несколько сузить роль, отведенную в спектакле детям Бахирева, хотя играют их слабые ребята. Нельзя забывать, что «Витя в пути» — это прежде всего рассказ о человеке в труде, о битве у доменной печи, за чертешку достой, в директорском кабинете. Так стоит ли заканчивать его сентиментальным объяснением Бахирева с малолетним сыном? Не здесь главные итоги битвы, выигранной Бахиревым. И не случайно же линия его личной судьбы занимает в спектакле такое скромное место.

Есть аромат нежности и теплоты в отдельных эпизодах встреч Тины и Бахирева. Вот стоит они на авансцене и, закинув головы, всматриваются в огни заводов, пламенеющие где-то там, над рядами зрителей. Бахирев чуть прикоснулся к плечам Тины. Задержавшись, нет сил их отнять. Или сцена в парке. Красивая, вся словно расцветшая, жет Бахирев Тина. Пришел. В белом, чуть смущенной и то же время открытой улыбке, в блеске темных глаз, в небрежном движении, которым Тина — Н. Климович откидывает со лба волосы, угадывается счастье.

Есть хорошая наблюдательность и в исполнении Л. Шапошниковой роли Катя, жены Бахирева. Но можно ли раскрыть человеческую судьбу в трех-четыре коротких эпизодах?

Не очень ясны в спектакле два совершенно разных женских мира, в которых живут эти героини. И грустное осуждение компромисса, на котором строилась любовь Тины, и невольное пренебрежение, которое испытываешь к счастливой Катя, не зазвучали бы с полной силой, если бы в спектакле не было еще одной «лирической истории». Это Сугробин — Даша. Любовь деревенской девочки к вихрастому задира-изобретателю, любви безгранично чистой и цельной, в новом свете открывает нам и «роман» Тины, и «благополучие» Катя.

Дашу играет В. Талызина. Это ее вторая роль. Курносенькая тихая девочка с жидкими косичками светлых волос, одетая в зановошную деревенскую кофту и

Спектакль «Витя в пути». Бахирев — артист М. Погорьелый, Даша — артистка В. Талызина. Фото В. ПЕТРОВСКОЙ.

нескладную юбку, держится как-то очень уж «незавлекательно». Но вот шаг за шагом идет она по жизни. Сперва, утирая лицо платочком, плачет, что «гонит брак». Потом научилась, и уже увереннее звучит ее робкий голос. Вот Даша — Талызина одна в парке после разговора с Сергеем: улыбается сама себе, напевает, кружится в вальсе, широко откинула рука, развевается зеленая юбка, топчут ботинки. Еще немного, совсем немного, и расправит крылья большая женская душа.

...На влажной дорожке парня остались Дашины следы. Низко склонился к ним Сережа — Е. Новиков. Он что-то говорит Тине, потряхивая рыжеватой лохматой головой. А сам все смотрит на эти «следочки», такие «косопланские», словно видит свою Дашу. Новиков встает. Легко и быстро, ступая из следа в след, идет он за Дашей, что-то напевая, ухмыляясь, подшучивая над собой. И путь по этим девичьим следочкам — как дорога в светлый и новый для него мир. Сугробин у Новикова — это человеческая жизнь, прожитая и прочувствованная во все секунды — и как передана, с каким блеском, с какой сердечностью!

Даша и Сугробин вместе с мастером Василием Васильевичем, старой работницей Потаповой, вместе с Чубасовым и большей частью коллектива стали в спектакле героями, не менее значительными, чем Бахирев или Вальган, Тина или Катя. Ибо главное в нем — судьбы людей, их жизни, многожизней, сплетенных между собой.

Люди проходят перед нами. Они — в пути. Куда идут они, куда направлен их стремительный, уверенный шаг? «Витя в пути» — это разговор о тех дорогах, которыми идут люди в коммунизм, о тех сражениях, которые они выигрывают, о тех вершинах, которые завоевывают. Театр этот не в первый раз говорит со сцены о нашей жизни. И уже можно проследить тенденцию в его творчестве — хорошую тенденцию живого и смелого отклика на события современной нам действительности.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

3 марта 1959 г.

3 стр.